

Е.В. Антонова

ПРИЗНАКИ ВЫСОКОГО СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА В МЕСОПОТАМИИ V–IV тыс. до н.э.*

Хорошо известно, как трудно выявить признаки явлений жизни общества на ранних этапах их бытования. В полной мере это справедливо, когда речь идет и о явлениях периода формирования государственных образований Месопотамии. Это время – «мертвая зона» для историков, опирающихся на письменные свидетельства, поскольку таковые или еще не существуют, или, возникнув, лишь в малой степени отражают состояние общества во всей его сложности. Многие, даже существенные, стороны характеризуются в общем виде. Так, в отечественной науке распространено мнение о долгом сохранении архаичных, эгалитарных форм общественного устройства в Шумере.

Говоря о начале III тыс. до н.э., конце Протописьменного периода, И.М. Дьяконов отмечает, что в это время «в бытовом отношении между различными категориями трудового населения и даже людьми, принадлежавшими к возникшей верхушке общества, было очень мало разницы». Лишь как свидетельство отдаленных связей рассматривает он пользование каменными и мегаллическими сосудами, украшениями из привозных минералов. По его мнению, жилищами всем служили хижины, а бытовой и технический уровень развития общества по сравнению с «позднейшими историческими эпохами» был невысок¹. Изменения в укладе жизни на протяжении длительного периода от заселения Нижней Месопотамии (конец VI тыс. до н.э.) до конца IV тыс. до н.э. И.М. Дьяконов расценивает как весьма незначительные. «Более чем за три тысячи лет, прошедших со времен ас-Саввана, в Южном Двуречье в историческом отношении мало что изменилось. Протекло более ста поколений. За это время стали употреблять больше медных изделий, несколько изменились формы глиняной посуды и с нее исчез расписной орнамент. Посуду стали делать на гончарном круге, что, может быть, указывает на начавшееся выделение в общине ремесленников-профессионалов»².

Таким рисуется состояние общества с точки зрения историка, главный и самый надежный источник которого – письменные документы, а памятники, традиционно составляющие «обиход» археологов, предстают как более или менее полезная иллюстрация к свидетельствам текстов. Представляется, однако, что при реконструкции явлений дописменной и раннеписьменной древности Месопотамии археологические остатки имеют первостепенное значение, а для их интерпретации продуктивно использование не только ретроспективно рассматриваемых свидетельств письменных текстов позднейших эпох (эффективность этого подхода ярко продемонстрировали исследования Т. Якобсена), но и концепции этнологов, накопивших богатейший материал об особенностях общественных отношений периода перехода от поздней первобытности к ранним государствам.

Действительно, на первый взгляд изменения в общественных отношениях и образе жизни на юге Месопотамии в V – первой половине IV тыс. до н.э. могут производить

* Статья написана при поддержке РГНФ (код проекта 95-06-17406).

¹ История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческих цивилизаций. Ч. 1. Месопотамия. М., 1983. С. 128.

² Там же. С. 109.

впечатление незначительных по сравнению с теми, которые столь выразительно фиксируются как письменными документами, так и археологическими находками Раннединастического периода. Социально-имущественное расслоение в то время ярчайшим образом демонстрируют погребения, самые информативные из которых обнаружены в остающемся столь таинственным «Царском некрополе» Ура. Стены городов, постоянное хорошо вооруженное войско, накопление земель в руках элиты и безусловные свидетельства существования слоя, сосредоточившего в своих руках управленческие функции, перераспределение материальных благ, создаваемых трудом земледельческого населения, ремесленников, наконец, захваченных в ходе постоянных войн пленников, – все это свидетельствует о существовании в государствах – «номах» Шумера слоя элиты, члены которого сохраняли свой статус из поколения в поколение. Не может возникнуть сомнений, что образ жизни знати Раннединастического периода резко отличался от того, который был присущ основной массе населения городов и тем более сельских поселений. Знать имела значительное количество зависимых людей, обстановка ее домов, утварь, одежда и украшения, пища и напитки, времяпрепровождение, – все это отличало ее от основной массы населения.

Так было в Раннединастическом периоде. Существенно иную картину рисуют свидетельства предшествующих эпох, периодов Урук и Джемдет-Наср (Урук – 4000–3100 гг. до н.э., Джемдет-Наср – 3100–2900 гг. до н.э.)³. Эти два периода, которые есть основания рассматривать как одну эпоху, когда наблюдаются признаки развития единого процесса, представляют исключительный интерес. Именно в это время появляются и численно увеличиваются крупные поселения-центры с храмами и администрацией, регулирующей экономическую и иную жизнь обитателей объединенной вокруг них сельскохозяйственной округи. Все более явны признаки специализации различных форм деятельности, от ремесла до дифференцированного по своим функциям аппарата управления. В позднем Уруке или Джемдет-Насре на печатях, сосудах и рельефах «меморативного» характера появляются изображения лидера, получившего на основании ситуаций, в которых он фигурирует, условное наименование «царь-жрец». Он обладает рядом внешних признаков, отличает его от других участников передаваемых действий, и, безусловно, занимает выдающееся положение. Возникает вопрос – что представлял собой тот слой, к которому принадлежали эти лидеры? Выделялись ли они какими-то признаками из массы общинников – обитателей городков и поселений и какими эти признаки были? Нет сомнений, что, выясняя особенности элиты того времени, мы говорим о предшественниках тех людей, с которыми так или иначе связаны погребения Раннединастического периода, кто предводительствовал в военных походах и управлял, по общему признанию и уже без всяких оговорок, настоящими государственными образованиями.

Для изучения вопроса представляется целесообразным обратиться к эпохе, предшествующей урукской, к периоду Убейда, от которого, по долго бытовавшему представлению, сохранились лишь черепки расписной посуды, немногочисленные орудия и следы жалких жилищ типа тростниковых хижин.

В археологии одна из самых информативных категорий памятников, дающих сведения о социальной структуре, – погребения. Из них происходит массовый материал, что позволяет снять случайные признаки и выявить главные тенденции развития тех сторон общественной жизни, которые могут здесь запечатлеваться. Однако становится все более ясным, что погребальный обряд в археологическом преломлении не дает зеркального отражения социально-имущественных отношений хотя бы потому, что многие его моменты остаются за пределами картины, фиксируемой археологами. Не известно, какие действия совершались перед и после помещения останков в могилу, как правило, остаются неизвестными надгробные

³ Porada E., Hansen D.P., Babcock S.H. The Chronology of Mesopotamia, ca. 7000–1600 B.C. // *Chronologies in Old World Archaeology*. Chicago, 1992.

сооружения. В определенных случаях правомерно предположение, что высокое социальное положение умершего находило выражение не в обильном сопровождающем инвентаре, а в многолюдных тризнах и «пышных» надгробных сооружениях. Возникает вопрос: каким образом отражается в обращении с умершими жизнь живых, которые, отправляя его в иной мир, продолжают существовать и отнюдь не желают (вероятно, как правило, во все эпохи человечества) направлять чрезмерные усилия на то, чтобы снабдить их обильными приношениями, с точки зрения археолога – «инвентарем»⁴. Наконец, следует учитывать обстоятельства получения данных из раскопок древних некрополей, подобных убейдским, в Эреду и Уре: здесь изучались компактные группы погребений, скорее всего принадлежавшие семейным группам, имущественное положение членов которых было примерно равным. Различия в инвентаре могут определяться в таком случае половозрастными особенностями.

Учитывая все сказанное, обратимся к одному из крупнейших комплексов погребений убейдской культуры, раскопанному в Эреду. Здесь из обширного некрополя, содержавшего, по предположениям, примерно 1000 погребений, раскопано около 200⁵. Инвентарь очень скромный: в основном это глиняные сосуды. Примечательно, однако, различие в их количестве – лишь в 12 погребениях обнаружено более 5 сосудов, в то время как в подавляющем большинстве их было по одному (132 погребения) или по 2–3 (58 погребений)⁶. Прослежена тенденция помещать относительно большое количество сосудов с умершими, положенными не в простые ямы, а в ямы с обкладкой из сырцового кирпича или вымосткой на дне.

Инвентарь погребений мужчин, женщин и детей несколько различается, что, вероятно, указывает на существование половозрастных градаций⁷.

Заслуживает внимания такой признак относительного богатства, как количество сосудов. Большое их число – свидетельство не только заботы об умершем, снабжаемом пищей и питьем, но и, как можно думать, многочисленности участников погребальной церемонии, что предполагает высокий статус умершего: чем больше коллектив, тем больше его социальные и экономические возможности и, следовательно, престиж. Таким образом, относительно большое количество сосудов в погребениях (отмечено, что в женских, а не мужских⁸) в могилах с кирпичными выкладками может указывать на существование более многочисленных по сравнению с прочими, а значит, более сильных семей.

Погребения в Эреду относятся к позднему этапу убейдской культуры; к этому же времени принадлежат погребения, исследованные в Уре. Здесь выявлена тенденция: в позднейших погребениях больше, чем в предшествующих, встречено бус, есть явно ценные сосуды, сделанные из камня, а также навершие булавы и каменный топор, которые, весьма вероятно, были знаками социального статуса⁹ (булава изображена в руках глиняных фигурок мужского мифологического существа этого времени).

⁴ Barrot J.C. The Living, the Dead and Ancestors: Neolithic and Early Bronze Age Mortuary Practices // The Archaeology of Context in the Neolithic and Bronze Age: Recent Trends / Ed. J.C. Barrot, J.A. Kinnes. Scheffields, 1988. P. 31.

⁵ Safar P., Mustafa M.A., Lloid S. Eridu. Baghdad, 1981. P. 119.

⁶ Wright H.T., Pollock S. Regional Socio-Economic Organization in Soutern Mesopotamia: the Middle and First Millennium // Préhistoire de la Mésopotamie. La Mésopotamie préhistorique et l'exploration récente du Djebel Hamrin. P., 1987. P. 327.

⁷ Половозрастные различия в инвентаре погребений зафиксированы в Месопотамии и в более позднее время. Так, погребения в некрополе А Киша (Раннединастический III) с небогатым инвентарем принадлежали к одной социальной группе; в сопровождающем инвентаре сильны различия в зависимости от пола и возраста. Примечательно, что в синхронном некрополе V обнаружены погребения с богатым инвентарем, явно принадлежавшие социальной верхушке (Forest J.D. Les pratique funéraires en Mésopotamie. Du cinquieme millénaire au début du troisième. P., 1983. P. 130; Breniquet C. La cimetiére A de Kish. Essai d'interpretation // Iraq. 1984. XLVI. P. 27).

⁸ Wright, Pollock. Op. cit. P. 327.

⁹ Ibid. P. 319.

Аналогичная картина слабо дифференцированного общества складывается на основании исследований погребений убейдского времени на Тепе-Гавре¹⁰.

Один из самых выразительных признаков социального состояния общества – архитектурные сооружения, как общественного назначения, так и жилые дома. Долгое время постройки убейдской культуры были известны плохо; наилучшим образом сохранились раскопанные в Эреду, которые сочли за храмы. Это сооружения, возведенные над предшествовавшими им простыми, трехчастного плана с большим центральным помещением и рядами небольших комнат, обрамляющих его с двух сторон. Вход находился в длинной стене, а у короткой в центральном «зале» располагалось возвышение. Разработанность планировки, аналогичной планировке более поздних шумерских храмов, наличие элементов не только конструктивного, но и декоративного характера, существование подиумов, напоминающих позднейшие алтари, следы обрядовых действий, наконец, расположение этих сооружений на том же месте, что позднейшие храмы, – все это послужило основанием для их интерпретации как сакральных сооружений¹¹. Таким же образом интерпретированы постройки Тепе-Гавры¹². Эти предположения стали общепринятыми и кочуют из научных работ в популярны и обратно. Интерпретации способствовало в немалой степени и представление об одновременных жилищах как небольших хижинах, на юге Месопотамии в основном тростниковых.

В ходе недавних раскопок удалось установить, что сырцовые дома трехчастного плана были распространены очень широко – они обнаружены как в средней части Месопотамии, в долине Диялы, так и на юге. В пределах поселений они отнюдь не были особыми, отличающимися от явно жилых домов. В многоквартирных хорошо спланированных домах центральное, прямоугольное или Т-образное помещение отличалось размером от более или менее симметрично расположенных небольших комнат. Входы находились в короткой торцовой или длинной стене.

Небольшие постройки трехчастного плана один из их исследователей, Ж.-Д. Форе, считает жилыми домами. Он полагает, что небольшие боковые помещения предназначались для мужской и женской половин семейных коллективов, а Центральное помещение – для разнообразной деятельности всех обитателей дома¹³. Большие же сооружения он и некоторые исследователи¹⁴ считают не жилыми, а общинными домами или домами приемов вождей.

Среди крупных построек наибольшую информацию дают обнаруженные в Эреду (слой XI–VI), Уруке, Телль-Укайре и два из трех так называемых храмов XIII слоя Тепе-Гавры¹⁵. Средняя площадь таких сооружений – 200 м², в то время как жилых домов аналогичной планировки – 130 м². Стены крупных построек относительно толстые и установлено, что в некоторых случаях их возводили на специально сооруженных цоколях и террасах. Примечательно, что в этих домах центральный пролет имел ширину около 4,5 м, в то время как в небольших она была на 1,5 м меньше. Следовательно, балки перекрытий в первом случае были большей длины, что имеет особое значение для определения назначения таких сооружений, т.е. Месопотамия бедна строительным лесом. Стены внутри иногда окрашивали.

Центральное помещение в больших сооружениях занимало около половины общей

¹⁰ Forest. Les pratiques... P. 58.

¹¹ Lloid S., Safar F. Eridu. A Preliminary Communication of the First Season's Excavations // Sumer. 1947. V. 3. N 2. P. 48.

¹² Van Buren E.D. A Lesson in Early History: Tepe Gawra // Orientalia. 1951. V. 20. N 4.

¹³ Forest J.D. La grande architecture obeidienne. Sa forme et sa fonction // Préhistoire de la Mesopotamie... P., 1987. P. 385.

¹⁴ Aurenche G. La maison orientale // L'architecture du Proche Orient Ancien des origines au milieu du quatrième mill. В.С. Р., 1981. P. 224 f. Недавно получены сведения, что в центральном зале в качестве опоры использовали столбы, стоявшие в один или два ряда, иногда на кирпичных основаниях (*Nasef Kh. Archaeology in Iraq // AJA. 1992. V. 96. N 2. P. 319.*)

¹⁵ Forest. La grande architecture...

площади, в обычных же домах – около трети. Удалось установить, что в некоторых случаях пространство этого «зала» членилось на три зоны. В дальней, у противоположной входу торцевой стены, располагалось возвышение – «подиум», это было место для привилегированных посетителей. В этой части к «залу» примыкали две или более боковых комнаток и в некоторых случаях находился дополнительный вход. У главного входа помещался очаг для приготовления пищи, которую подавали сидящим в «зале». Средняя часть предназначалась для обычных посетителей. Таким образом, степень почетности места возрастала по мере удаления от входа и очага с его неприятным дымом. Боковые помещения могли служить хранилищами припасов¹⁶.

Предполагаемый аналог этих сооружений – «гостевые дома» болотных арабов Южного Ирака, владельцами которых были шейхи. Эти прямоугольные в плане тростниковые конструкции имели площадь около 75 м² и высоту до 6 м¹⁷. Основой служили столбы из связок гигантского тростника. Из их верхушек выводили арки – основу сводчатой крыши. Промежутки между столбами и арками закрывали узорчатыми плетеными циновками. Видевшие эти сооружения отмечают замечательный эффект, создававшийся элементами конструкции и циновками¹⁸. Несмотря на специфичность непрочного строительного материала, убогими их назвать невозможно. Такие дома были не только местом приема пришедших в поселение гостей, здесь шейхи отдавали распоряжения относительно хозяйственных работ, разрешали споры между сородичами; они не предназначались специально для отправления обрядов, но здесь могли молиться, и их входы были обращены в сторону Мекки¹⁹. Эти постройки, располагавшиеся рядом с жилыми домами шейхов, были средоточиями общественной жизни, руководимой родоплеменными предводителями. Наряду с домами, сооруженными шейхами, в селениях болотных арабов были и другие гостевые дома, которые могли строить лишь люди высокого социального статуса²⁰.

Симптоматично, что традиционно считающиеся храмовыми убейдские постройки трехчастного плана не несут каких-либо признаков особой, ритуальной деятельности. Найденные здесь остатки могут свидетельствовать лишь о коллективных трапезах. Скорее всего можно предполагать вслед за Ж.-Д. Форе, что это были общественные сооружения, строившиеся под «патронатом» общинных лидеров. Они, подобно гостевым домам машарабов, были знаками социального престижа элитарных семей, а также престижа всей общины, на территории которой они находились. Надо отметить высокий уровень строительной техники: убейдцы умели строить двухэтажные здания.

Неслучайно в связи с убейдскими сооружениями возникает тема коллективной трапезы. Среди форм престижного поведения на завершающем этапе первобытнообщинного строя, а также и позднее коллективным трапезам принадлежит особое место. Организаторы таких пиршеств обладали материальными возможностями для их устройства и поддерживали таким, в частности, образом свой высокий социальный статус²¹. Коллективными трапезами у обитателей Месопотамии, как известно из позднейших свидетельств, сопровождалась все значительные события; недаром знаком, обозначающим народное собрание, был рисунок сосуда²². Следы тропы трудно обнаружить в культурном слое, хотя на их существование указывают сосуды в погребениях: по-видимому, умерший предстает как участник коллективной трапезы, что реализуется или в большом числе сосудов непосредственно в погребении, или в следах тризны. Сосуды в погребениях суть знаки регулярных под-

¹⁶ Ibid. P. 392.

¹⁷ Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Западной и Южной Азии. М., 1981. С. 59.

¹⁸ *Тэсиджер У.* Озерные арабы. М., 1982. С. 18 сл.

¹⁹ Там же. С. 16 сл., 38.

²⁰ Там же. С. 59.

²¹ История первобытного общества. Эпоха классообразования. М., 1988. С. 382.

²² *Дьяконов И.М.* Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959. С. 138.

ношений еды и питья во время обрядов в честь умерших, данные о которых многочисленны в Месопотамии письменного периода.

Примечательно, что на юго-западе Ирана, соседней с Месопотамией и близкой ей в культурно-историческом плане территории, археологами найдены реальные следы коллективных трапез в жилищах семей, занимающих относительно высокое социальное положение.

При раскопках поселения Фарухабад на равнине Дех Луран в слоях середины V тыс. до н.э. были обнаружены постройки, стоявшие на кирпичной платформе; одна из построек отличалась особым убранством: ее стены были декорированы плитастраями. Рядом с ней располагалось нечто, похожее на хранилище. У этих домов сосредоточены фрагменты многочисленных конических чаш, а в помещении у входа в один из них обнаружено несколько «наборов» целых сосудов такой формы. Руководители раскопок предполагают, что здесь происходили пиршества с большим количеством участников, а конические сосуды служили вместилищем напитков. Устроителями пиршеств могли быть члены высокопоставленного семейства²³.

Из этнографических данных известно, что социальная неравнозначность воплощалась и в такой немаловажной сфере обыденного поведения, как набор продуктов питания. Обитатели одного из комплексов Фарухабада, образ жизни которых, судя по остаткам, в других отношениях мало отличался от того, какой вели жители менее тщательно построенных домов, возможно, питались несколько иначе: здесь часто встречаются кости газели, в то время как близ остальных домов часты находки костей диких представителей семейства лошадиных²⁴. Аналогичная картина обнаружена при раскопках поселения Тепе-Сабз на той же равнине Дех Луран, где около тщательно построенного дома найдено больше, чем около других, костей газели (а также венчиков плоских чаш), а не онагров, овец и коз, как возле других построек²⁵.

Возвращаясь к погребальному инвентарю убейдских погребений, безусловно, относящихся ко времени широкого распространения медных изделий, приходится констатировать их едва ли не полное отсутствие, во всяком случае на юге Месопотамии. Неоднократно подчеркивалось, что этот регион крайне беден полезными ископаемыми, металлическими рудами и камнем. Обитатели Нижней Месопотамии, выращивавшие огромные по тем временам урожаи благодаря использованию приемов ирригации, должны были крайне бережливо относиться к вещам из материалов, которые они получали из отдаленных областей путем обмена. Ценность каменных и металлических вещей была весьма велика, естественно, что их не помещали в погребения, по крайней мере систематически. Можно думать, что такие вещи оставались у живых преемников умерших, частично шли в переработку, частично служили знаками высокого социального положения. О том же, что вещи – знаки престижа – в самом деле бытовали, позволяют думать не только единичные находки в погребениях, но и вещи из некрополя Суз, синхронного Убейду.

В отличие от юга Месопотамии равнина Сузианы находилась в более выигрышном положении из-за близости к Иранскому плато с его рудными залежами. Поэтому уже в убейдское время здесь допускалось такое расточительство, как помещение в могилы металлических вещей. В некрополе Суз I были найдены медные диски и плоские тесла-топоры без следов использования. Диски исследователи нередко называли зеркалами, топоры определяли как своеобразно оформленные слитки металла²⁶. Ф. Хоул сравнил эти вещи с изображениями на синхронных сосудах, где встречается фигура антропоморфного персонажа, стоящего между двух столбов с треугольниками на верхушках. Встречаются и изображения существа, голова которого увенчана двумя расположенными один над другим кольцевидными предметами. Эти изображения

²³ Early Town on the Deh Luran Plain. Excavations at Tepe Farukhabad / Ed. H.T. Wright. Ann Arbor, 1981. P. 65 f.

²⁴ Ibid. P. 65 f.

²⁵ Ibid. P. 66.

²⁶ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P., 1986. P. 36.

Ф. Хоул сравнил с более поздними на сузских печатях, где рогатый персонаж, занимающий центральное положение в композициях, носит на груди нечто вроде круглого медальона.

Атрибуты персонажа керамических сосудов изображались отдельно в виде кольцевидных стержней по одному или парами, колец – по две пары или по три на прямоугольном основании. По предположению Ф. Хоула, копьеобразный предмет условно передает плоский топор-тесло на рукоятке. Реальные прототипы этих предметов – тесла, которых в некрополе Суз I было найдено около 60. Такие тесла могли, по его мнению, служить церемониальными вариантами земледельческой мотыги, символами труда земледельцев, аналогичными известным позднее в Месопотамии как атрибут Мардука²⁷.

Знаками лиц высокого социального положения могли быть и медные диски, которые носили как медальоны на груди. Они обнаружены в 50 захоронениях.

Ф. Хоул, исходя из того, что Ж. де Морганом было раскопано около 2000 погребений некрополя, рассчитал размер группы лиц особого социального положения, атрибутами которых были топоры-тесла и медальоны из меди: она составляла около 3% – таково число людей, в ведении которых находилось управление.

Данные погребений и архитектурных сооружений, позволяющие говорить о существовании элитарных семей, подкрепляются памятниками глиптики: в убейдское время, по крайней мере, на севере Месопотамии появляются печати-штампы с изображениями рогатого персонажа, совершающего обрядовые действия, что свидетельствует о наличии в обществе лиц с особыми сакрально-управленческими функциями, о чем автору настоящей статьи уже приходилось писать²⁸.

Дж. Оутс, сделавшая так много для изучения дописьменной истории Месопотамии, неоднократно отмечала, что обширные поселения убейдского времени (до 11 га), торговля на далекие расстояния с регионом Персидского залива, Северной Сирией и Ираном сигнализируют о растущей потребности или даже о существовании централизованной власти, но ни жилые дома, ни погребальный инвентарь не позволяют говорить о социальной стратификации²⁹. Представляется, что с этим выводом нельзя согласиться. Имеющиеся, пусть пока и разрозненные, факты допускают возможность сложения уже в убейдскую эпоху, по крайней мере в ее конце, слоя элиты, формирования культурных норм, присущих именно ей. С точки зрения этнолога, памятники искусства этого времени отвечают признакам искусства предклассового общества³⁰. Элита складывается в формах, присущих ей именно в Месопотамии, в условиях структуризации социальных образований на основе интенсифицированного земледелия, животноводства, широкомасштабного обмена, растущей роли ремесленного производства, а не грабительских набегов, захватов чужих территорий и материальных богатств. Люди, в том числе лидеры, здесь не могли позволить себе захоронить сокровища со своими умершими. Они были бережлив.

С наступлением Урукского периода и тем более периода Джемдет-Насра появляется все меньше сомнений в существовании не только социальной, но и имущественной дифференциации. Тем не менее, по мнению И.М. Дьяконова, в Протописьменный период, т.е. во время позднего Урука–Джемдет-Насра, социальное разделение остается неотчетливым. Знать образовывала тонкий слой владельцев крупных земельных наделов, которые обрабатывали члены патриархальной семьи и вспомогательная рабочая сила, рядовые общинники принадлежали к тем же родам. И.М. Дьяконов полагает, что внешние признаки социально-экономического рассло-

²⁷ Hole F. Symbols of Religion and Social Organisation at Susa // *The Hilly Flanks. Essays on the Prehistory of Southwestern Asia*. Chicago, 1983.

²⁸ Антонова Е.В. Антропоморфный персонаж на печатях Ирана и Месопотамии // ВДИ. 1991. № 2.

²⁹ Oais J. Urban Trends in Prehistoric Mesopotamia // *La ville dans le Proche Orient Ancien. Les cahiers du Centre d'Étude du Proche-Orient Ancien*. Univ. Geneve. Leuven, 1979. P. 89.

³⁰ История первобытного общества... С. 395.

ния, выражающиеся в одежде, причёске, украшениях, жилищах, столь слабы, что можно говорить об их отсутствии³¹.

Для того чтобы представить себе социальную ситуацию, какой она рисуется на основании археологических памятников, обратимся к данным погребений. Они известны не лучше, чем погребения предшествующей эпохи, но тем более показательны изменения, произошедшие в их инвентаре.

Наиболее представительные данные получены при раскопках северомесопотамской Тепе-Гавры. Здесь в слое ХІА обнаружено погребение молодого человека с булавой³². В позднеурукских погребениях резко возрастает количество украшений из золота, найденных, в частности, и в этом погребении. Возрастает число бус, прежде немногочисленных; они использовались, например, для украшения одежды: в некоторых погребениях их найдено по несколько тысяч³³.

Необычно, по сравнению с предшествовавшим временем, богатым становится инвентарь в погребениях Тепе-Гавры периода Джемдет-Насра. С умершими клали украшения из золота, лазурита, бирюзы, электра, сложные в изготовлении костяные гребни и булавки с наконечниками. Из электра выполнен безусловный знак высокого социального статуса – наконечник в виде головки волка³⁴.

К сожалению, не вполне ясно, к какому периоду – Джемдет-Наср или уже Раннединастическому – относится ряд погребений из «Царского некрополя» Ура³⁵. Л. Вулл разделил их на три хронологические группы³⁶. В 16 из 54 погребений ранней группы найдены свинцовые и медные сосуды; из 130 погребений средней группы сосуды из этих же металлов встречены в 26 погребениях; из 148 погребений поздней группы сосуды и другие металлические вещи (в том числе булавки и зеркала) обнаружены в 22 погребениях. Законное удивление вызывает обилие металлических сосудов, особенно из такого редкого для этого времени металла, как свинец³⁷.

В некрополе на телле Ахмед аль-Хатту, обнаруженном при сооружении Хамринской дамбы в долине Диялы, раскопаны каменные погребальные сооружения с металлическими и каменными сосудами. Эти погребальные сооружения, относящиеся к периоду Джемдет-Наср, по мнению автора раскопок, принадлежали лицам высокого социального статуса³⁸.

В Телль-Хафадже (долина Диялы) под жилыми постройками было найдено небольшое количество погребений, что предполагает существование особого некрополя. Обращает на себя внимание относительное обилие инвентаря погребений периода, переходного от Джемдет-Наср к Раннединастическому: в одном из них найдено 60 каменных бус, два каменных косметических сосуда, каменное блюдечко и три керамических сосуда. В другом – около 80 каменных бус, каменный косметический и два керамических сосуда. В одном из погребений не было иных вещей, кроме 29 керамических сосудов³⁹.

Выше характеризовались жилища предшествующего периода, убейдской культуры. Хотя данные о домах Урука – Джемдет-Насра очень незначительны, все же есть основания полагать, что жилища этой поры не уступали убейдским. В Хафадже были обнаружены остатки многокомнатных домов, среди них были и двухэтажные⁴⁰.

³¹ История древнего Востока... С. 144.

³² Tobler A. Excavations at Tepe Gawra. V. 2. Philadelphia, 1950. P. 116.

³³ Forest. Les pratiques... P. 72.

³⁴ Tobler. Op. cit. P. 92.

³⁵ Moorey P.R.S. The Archaeological Evidence for Metallurgy and Related Technologies in Mesopotamia c. 5500–2100 B.C. // Iraq. 1982. 44. P. 23.

³⁶ Wolley L. Ur Excavations. Early Periods. Philadelphia, 1955. P. 104 (Ur Excavations. V. 4).

³⁷ Moorey. Op. cit. P. 23.

³⁸ Eickhoff T. Begräbnissitten in der Nekropole von Tell Ahmed al-Hattu Hamrin // Préhistoire de la Mésopotamie...

³⁹ Delougaz P., Hill H.D., Lloid S. Private Houses and Graves in the Diyala Region. Chicago, 1967. P. 69, 71 f., 75 f. (OJP. V. LXXXVIII).

⁴⁰ Ibid. P. 5, 6, 275.

Традиция сооружения домов подобной планировки сохраняется и в раннединастическое время. Жилища горожан второй половины IV – начала III тыс. до н.э. скрыты под многометровыми отложениями культурного слоя. Но относительно недавно в Северной Сирии исследовались поселения, которые есть основания считать сооруженными переселенцами с юга Месопотамии позднеурукского времени, причем построенными сразу по единому плану. Обнаруженные в Хабуба-Кабире и Джебель-Аруде материалы (керамика, печати) не отличаются от урукских. Наряду с жилыми домами – многокомнатными, группирующимися вокруг центрального двора, раскопаны явно храмовые сооружения традиционного для Нижней Месопотамии плана⁴¹.

Об образе жизни и отличительных признаках быта элиты последних столетий перед Раннединастическим периодом позволяют судить не только принадлежавшие ей вещи и сооружения. То, что известно об архитектуре храмов и о находившихся там вещах из камня и металла, о произведениях профессиональных резчиков и ювелиров, – все это указывает на существование общественного слоя, который располагал в своем быту ценными и высокохудожественными вещами, близкими тем, которые предназначались для хозяйства бога–покровителя «нома».

Отсутствие среди погребений эпохи Урука и Джемдет-Насра, резко выделяющихся своим богатством, подобных обнаруженным в раннединастическом "Царском некрополе" Ура, можно объяснить не столько сохраняющейся эгалитарностью, сколько желанием верхнего слоя эту эгалитарность прокламировать. Оправданием усиливающегося неравенства служил миф, по всей видимости, в это время сложившийся в жреческой среде, о призвании всех людей независимо от их положения, каждого «на своем посту» трудиться для богов–создателей и зиждителей человечества⁴².

Многочисленные находки ценных вещей в храмах указывают на сосредоточение в них богатств, накопленных всем обществом. Храмовый персонал так или иначе пользовался этими вещами, был причастен их высокой социальной значимости. Те, кто совершал обряды в честь божеств или руководил разнообразной деятельностью, сосредоточенной в храмовых хозяйствах, очевидно, обладали высоким престижем, резко выделяющим их из тех, кто в силу своего положения не мог достигнуть этих должностей, требующих особых знаний и принадлежности к социальным верхам.

Один из явно различимых путей приобретения высокого статуса – принадлежность к храмовому хозяйству бога. Изображения персонажа с колосом, «кормильца стад» божества, отправителя «священного брака» передают обряды, совершавшиеся, по крайней мере отчасти, публично. В них пропагандировалась значимость элиты, ритуальная деятельность которой должна была стимулировать производство. (Аналогична связь высокого социального статуса на Кипре позднебронзового времени с добычей и распределением меди и распространением символических изображений «носильщиков слитков». Такая близость между металлургической мастерской и церемониальной структурой может непосредственно символизировать священный характер медного производства и одновременно демонстрировать связь между его руководителями и производителями продукта⁴³.)

Уровень богатства общества резко возрастает в Раннединастический период, завершая тенденции, существовавшие на протяжении Убейда, Урука и Джемдет-Насра. Богатство сосредоточивается в крупных городах. Показательны данные «Царского некрополя» Ура. Речь не идет при этом о самых богатых погребениях, поскольку статус погребенных в них людей остается неясным⁴⁴. Р. Мак Адамс

⁴¹ Van Driel G., Van Driel-Murray C. Jebel Aruda 1977–78 // *Akkadica*. 1979, 12 (Leuven); *Strommenger E. Habuba Kabira. Eine Stadt vor 5000 Jahren*. Mainz am Rhein, 1980.

⁴² Antonova E. Images on Seals and the Ideology of the State Formation Process // *Mesopotamia*. 1992. XXVII.

⁴³ Knapp A.B. Copper Production and Eastern Mediterranean Trade: the Rise of Complex Society on Cyprus / Ed. J. Giendhill, B. Bender, M.T. Larsen. State and Society. L. etc., 1988 (*One World Archaeology* 4).

⁴⁴ Moorey P.R.S. What do We Know about the People Buried in the Royal Cemetery? // *Expedition*. Fall, 1977. 20.1 (Philadelphia).

выделил в «Царском некрополе» Ура 588 «нецарских» погребений и проанализировал состав их инвентаря. Значительный был обнаружен в 20 могилах (изделия из меди и драгоценных металлов и камня – сосуды, украшения, оружие). Большое число погребений (434) содержало относительно многочисленный инвентарь – металлическое оружие, сосуды, зеркала, подставки и т.д. Золото найдено в 167 погребениях, что составляет значительный процент от общего количества. Только восьмая часть погребений не имела металлических и каменных изделий вообще. Таков уровень благосостояния жителей крупного города конца Раннединастического периода. Иное положение было в небольшом городе Убейде. Здесь было раскопано 94 погребения и только в 18 найдены металлические изделия, при этом лишь в четырех – более одного предмета и ни в одном – более трех. Вещи из драгоценных металлов найдены лишь в одном погребении⁴⁵.

Такая ситуация сложилась в результате перераспределения накопленного в Месопотамии общественного богатства в немалой степени в ходе войн «всех против всех», потрясавших Шумер Раннединастического периода, когда победоносные правители могли сосредоточивать в своих государствах награбленные у врагов и созданные руками пленников ценности. Предводители раннединастических «номов» – более, чем прежде, военные предводители. Лидеры предшествующей эпохи – хозяйственные руководители, предстали перед божествами-покровителями и войны лишь постольку, поскольку должны быть защитниками своих подопечных: война в эту пору не стала нормой существования.

Об отличиях в одежде и атрибутах представителей верхнего слоя наиболее выразительно свидетельствует облик «царя» или «вождя»-жреца, каким он запечатлен на печатях и других изделиях периодов поздний Урук – Джемдет-Наср. Он облачен в длинную юбку с широким круглым в сечении поясом. Концы пояса, расположенные сзади, могли быть очень длинными, когда его носитель предстал как одно из главных действующих лиц обрядов (по предположению Г. Фрэнкфорта, косая штриховка юбки передавала треугольные «флажки», нашитые на ткань, которые на рельефах и в скульптуре изображались значительно менее схематично⁴⁶). Длина одежды – признак неучастия в действиях, требовавших большой свободы движений. Недаром в сценах сражений этот (или аналогичный) персонаж носит укороченную юбку. Подчеркнутая «одетость» лидера и особенности его облачения многозначительны; длинная юбка отличает его от других участников действий. Симптоматично, что в шумерской письменности для обозначения лиц высокого общественного положения использовалась идеограмма, означающая «ткань»⁴⁷. Таким образом, «одетость» – признак высокого социального статуса.

Особое внимание к дорогим тканям – отличительная особенность элиты древних обществ, не обладавшей столь широким набором выражения своего положения, каким располагала элита значительно более поздних эпох, в частности нового времени. Недаром ткани составляли значительную статью экспорта из Месопотамии: по всей вероятности, они предназначались чужеземной знати, державшей в своих руках обмен и торговлю.

Другой примечательный признак «вождя-жреца» – особая прическа или парик, имеющий вид валика вокруг головы и пучка на затылке. Позднейший преемник такого убора, по всей вероятности, знаменитый «шлем» Мескаламдуга из «Царского некрополя» Ура, позволяющий представить его во всех подробностях. Сходство этого «шлема» с головным убором лидеров, живших на много столетий раньше, дает основания предполагать, что этот знак высокого достоинства появился еще в додинастическое время. Напомним, что такую форму имеет и убор знаменитой бронзовой головы из Ниневии, известной как голова Саргона аккадского време-

⁴⁵ Adams R.Mc. The Evolution of Urban Society. Early Mesopotamia and Prehistoric México. L., 1966. P. 99–101.

⁴⁶ Frankfort H. Archaeology and Sumerian Problem. Chicago, 1992. P. 12.

⁴⁷ История древнего Востока... С. 121.

ни⁴⁸. Так же выглядит прическа царя Ламги-Мари из Алеппского музея⁴⁹. Длинные волосы и борода – один из признаков правителей в скульптуре и на рельефах Раннединастического периода⁵⁰. Сложные прически – принадлежность и женщин высокого статуса (примечательно, что традиция их ношения прослеживается на территории Месопотамии еще с VI тыс. до н.э.⁵¹).

По-видимому, в позднеурукское – джемдет-нарсское время появляются первые каменные фигурки адорантов, сначала небольшие. Образцы их, безусловно относящиеся к этому времени, практически неизвестны⁵². В то же время, по всей вероятности, именно фигуры адорантов – мужчины и женщины – изображены на известной Урукской вазе, найденной среди приношений в храм. Их прически – длинные, заброшенные на спину волосы⁵³. Такая же прическа у персонажа, сопровождающего лидера, на печатях.

Оружие «царя-жреца» – лук и копье, его атрибуты – булава и посох с навершием. Очевидно, луками и копьями пользовалась не только элита, но лишь ее оружие могло быть церемониальным и в этом случае изготавливалось из меди или драгоценных металлов. Доказательство существования предметов такого рода – редкая находка: серебряный гарпун, обнаруженный в кирпичном здании в западном углу Занны в Уруке⁵⁴.

Тенденция изготавливать церемониальные предметы вооружения и орудий нашла продолжение в раннединастическое время, о чем позволяют судить предметы из «Царского некрополя» Ура: здесь помимо дротиков с золотыми и серебряными наконечниками, золотых и серебряных топоров и тесел найдена золотая пила⁵⁵ (существование драгоценных орудий предполагает обрядовое участие его носителей в каких-то работах). Ожидать такого расточительства – систематического помещения в погребения ценных вещей в эпоху Урука – Джемдет-Насра – было бы опрометчиво. Но можно думать, что в эту пору принадлежностью элиты становятся преимущественно медные предметы вооружения и утварь. Именно они столь многочисленны в погребениях Раннединастического периода, когда уровень общественного богатства неизмеримо возрастает. Эти престижные вещи позволяют представить себе, чем отличался обиход элиты от обихода основной массы населения не только раннединастического времени, но – ретроспективно – и предшествующей эпохи.

Ценности, определяемые обществом как необходимые для поддержания существования, так и престижные, упоминаются в документах о купле-продаже земли Раннединастического–Аккадского периодов. Цена полей определялась количеством меди, серебра и ячменя. Кроме этого продавцы получали «подарки» – ценные вещи, среди них – серебряные предметы и кольца определенного веса, бронзовое оружие, повозки и колесницы, одежда, в том числе кожаная, ткани⁵⁶. Интересно, что дары могли, как предполагает, в частности, Дж. Фоксвог, предназначаться не только живым, но и умершим членам родственной группы – собственницы земли. В этом прямое указание на качественную идентичность даров и погребального инвентаря. В договоре о продаже земли сыном храмового администратора г. Кеша покупатель – правитель досаргоновского Адаба – перечисляет дары, возможно, этому уже умершему человеку и его покойной жене. Помимо ячменя даются упряжной осел,

⁴⁸ См., например: *Potratz H. Die Kunst des alten Orient. Stuttgart, 1961. S. 171 f.*

⁴⁹ *Parrot A. Sumerian Art. Milano, 1970. Pl. 4–5.*

⁵⁰ *Frankfort H. Sculpture of the Third Millenium B.C. from Tell Asmar and Khafajah. Chicago, 1939.*

⁵¹ *Spycket A. Un élément de la parure féminine a la Ire dynastie de Babilon // RA. 1988. XLII. Cp. Oates J. Choga Mati, 1967–1968. A Preliminary Report // Iraq. 1969. XXXI. 2.*

⁵² *Strommanger E. Archaic Levels of Uruk-Eanna VI to III/II: Past and Present // AJA. 1981. 84. 4.*

⁵³ *Heinrich E. Kleinfunde aus den archaischen Tempelschichten in Uruk. Lpz, 1936. S. 15 f.*

⁵⁴ *UVB XIV. 1959. S. 9. Taf. 17, 18a.*

⁵⁵ *Вулли Л. Ур халдеев. М., 1961. С. 62, 64.*

⁵⁶ *Дьяконов. Общественный и государственный строй... С. 57.*

колесница и различные одежды, деревянные ящики, медный топор, серебряный наконечник копья и нож⁵⁷.

В этих перечнях «цены» полей и подарков – «приплат» – обнаруживаются вещи, которые встречаются в богатых погребениях Раннединастического периода – повозки, металлические предметы, изделия из дерева и кожи; они те же, что, судя по найденным вещам и изобразительным памятникам, в позднеурукское – джемдет-нарсское время были в обиходе элиты, но не попадали в погребения.

Вероятно, в первую очередь непопадание ценностей в погребения создает иллюзию более или менее эгалитарного состояния общества. На самом же деле их отсутствие означает лишь, что они оставались в реальном обращении, что их обладатели – элитарные семьи оперировали ими различным способом: для приобретения большего числа сторонников, для обмена всякого рода, в частности операций, которые с современной точки зрения были куплей-продажей, а с точки зрения их участников – условным обменом ценностями. Равенство как определяющий признак отношений в обществе оказывается иллюзией, основанной на том, что исследователь не располагает очевидными признаками существования слоя элиты – находками выделяющихся заметным богатством погребений.

Картина резко отличается от той, что существовала в традиционных вождествах, где элита стремится свой высокий статус обилием ценностей и вещей в погребениях своих умерших. Месопотамские лидеры раннегосударственных образований предстают как «бедные» по сравнению, например, с погребенными в неолитическом Варненском некрополе (Болгария). Однако их бедность кажущаяся, поскольку общественно-экономическая ситуация, обеспечивающая их высокое положение, была иной, чем та, которая существовала, в частности, в догосударственных образованиях варварской Европы. Ценности, иногда очень большие, помещенные в погребения элиты вождеств, были призваны воспроизводить статус их преемников⁵⁸. Откладываясь в погребениях, они изымались из обращения, однако вожди сохраняли свой статус и возвращали богатства в новых набегах, отчасти через эксплуатацию находившихся в их распоряжении залежей полезных ископаемых, других природных богатств и лишь в малой степени за счет сельского хозяйства. Воспроизвода эту систему из поколения в поколение, вождества существовали многие сотни лет.

Иным было отношение к престижно-материальным ценностям в Месопотамии. Основа процветания и высокого социального положения здесь – земледелие и животноводство. Не вождь – предводитель грабительских походов, а рачительный хозяин, глава управляющих земледельческими работами, уходом за скотом, складами и т.д. – вот представитель шумерской элиты. Ее особое положение в обществе выражается уже в позднеурукское – джемдет-нарсское время признаками, одни из которых более, другие менее явны сейчас. По всей вероятности, это близость к храмовому хозяйству и правлению «номовой» общиной, а значит отправление обрядов, с чем связано обладание особыми знаниями, способностями совершать обряды, скорее всего владение искусством письма. Эны – правители городов – сакральные лидеры, чьи колдовские способности не менее, чем военная мощь, оказываются причиной достижения ими успехов (Эн-Меркар, побеждающий правителя далекой Аратты, делает это с помощью колдовства). Правитель – хозяйственный руководитель, строитель: Гильгамеш гордится стенами своего города подобно архитектору. С высоким положением здесь связывается не владение каким-либо ремеслом (как у африканских вождей), а причастность обрядово-магическому знанию, грамотность, возможно, высокие формы словесного творчества (?), физическая сила (правитель – могучий охотник).

Таким образом, элита дораннединастического времени, как нам представляется,

⁵⁷ Foxvog D.A. Funerary Furnishings in an Early Sumerian Text from Adad // Death in Mesopotamia. XXVIe Rencontre Assyriologique Intern. / Ed. B. Alster. Copenhagen, 1980 (Mesopotamia. 8).

⁵⁸ Bradley R. The Passage of Arms. Cambr., 1990. P. 94.

образовывала вполне определенный слой. Его члены отличались специфическими занятиями (принадлежность к сфере управления), особенностями быта (более просторные и лучше построенные жилища, многочисленность так или иначе зависящих от них людей, способность устраивать пиршества для большого числа участников, пользование в быту дорогими, каменными и металлическими вещами, в том числе созданными высококвалифицированными ремесленниками). Высокое положение этих людей основывалось на владении (какими бы ни были его формы) большими земельными наделами, для приумножения которых использовались материально-престижные ценности. Да, избираемые на срок правители еще не стали систематически преумножать свои богатства в военных походах – это случилось в раннединастическое время. Но без их целенаправленной деятельности наступление динамичной и богатой событиями эпохи враждующих «номов» не могло стать реальностью.

ATTRIBUTES OF HIGH SOCIAL STATUS
IN MESOPOTAMIA IN THE 5th–4th MILLENNIA B.C.

Ye.V. Antonova

The article is an attempt to establish the necessary attributes of the social elite in the protostate and the early state communities of Mesopotamia in the 5th–4th millennia B.C. Already during a period preceding that of the Early Dynasties in Sumer, representatives of the upper class were differentiated by specific occupations (such as administrative power, performances of rituals in the name of huge communities) as well as specific features of everyday life (large and comfortable dwellings, a huge number of servants, use of precious objects, special clothing, etc.). Certain difficulties in establishing the elite attributes by means of archaeological discoveries are partially connected with an unusual frugality of this class, the members of which did not consider it necessary to provide the burials of their dead with rich inventories.